

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

МАХА

НАШЕ ИСТОРИИ
ЖИЗНИ КУНИЦЫ

Москва
2006

Зиганшин К.Ф.

Маха, или История жизни куницы. 2006. —
72 с., ил.

© Зиганшин К.Ф., 2006

© Билалова С.Б., иллюстрации, 2006

Окружив себя той или иной степенью комфорта, мы забываем, что рядом с нами еще живет Живая Природа. Мало того, мы наивно полагаем, что наша жизнь уже не подчиняется Ее, на наш взгляд, первобытным и жестоким законам. Рано или поздно эта самонадеянная потребительская отчужденность от Природы больно или даже смертельно ранит нас.

Писатель Камиль Зиганшин напоминает бездумно бегущему по асфальту с ноутбуком и мобильником Человеку, что он такая же легкораняемая часть Природы как раздавленный под его башмаками — не по злобе, в спешке — выползший после ливня на асфальт дождевой червь.

Секретарь Союза писателей России,
вице-президент Международного
фонда славянской письменности
и культуры **МИХАИЛ ЧВАНОВ**

1

В глубоком, просторном дупле было сухо, сумрачно. На дне мягко пружинила подстилка из длинных прядей лишайника.

Четверо еще слепых щенят куницы, покрытых коротким младенческим пухом, лежали плотным клубком и беспечно посапывали. Время от времени один из малышей сонно, с трудом удерживая большую голову, потягивался и, бесцеремонно расталкивая остальных, жадно тыкался мордочкой в набухший молоком сосок матери. Потревоженные кунята, словно по команде, затевали бесстолковую возню и... следовали его примеру.

Накормив малышей, куница осторожно вставала и выскальзывала наружу. Подкрепившись первой попавшейся дичью и полакав студеной ключевой воды, она без задержки возвращалась в дупло. Ненасытное потомство взволнованно

сопело, попискивая тянулось к матери и, нащупав сосок, успокаивалось, блаженно почмокивая.

Кунята росли быстро. Нежные шубки день за днем густели. Потешно затопорщились треугольные ушки. Вскоре прорезались черные глазенки, и несмышлениши все чаще с любопытством поглядывали на смутно белеющий сверху лаз. Через него к ним то и дело долетали незнакомые будоражащие запахи и доносились загадочные звуки.

Самая маленькая, но в то же время и самая подвижная кроха — Маха — уже не единожды пыталась дотянуться до кромки лаза, чтобы глянуть в таинственно шумящее окошко, однако всякий раз бдительная мать сердито уркала на любопытную дочь и стягивала ее вниз.

В дупле становилось тесно. Наконец настал час, когда куница сама вывела малышей в огромный, многоцветный, многоголосый мир, поощряя одобрителем поуркиванием смелых и подталкивая лапой робких. Судорожно цепляясь слабыми коготками за выступы ребристой коры, жмурясь от слепящего света, кунята потихоньку спустились на землю. Робко огляделись и обступили мать, трепавшую хохлатого рябчика, пойманного ею накануне. Куница отгрызла петушку голову и легонько подтолкнула ее к детворе. Те, давя друг друга, в ужасе отпрянули, но когда невольный

испуг прошел, первой, боязливо переступая и вытягивая шею, приблизилась к аппетитно пахнущему комочку Маха. Обойдя его кругом, малышка сначала осторожно потрогала, а затем поддела петушиную голову лапкой. Та покатилась с бугорка в траву, и осмелевшие кунята дружно кинулись за «убегающей» добычей.

Один за другим мелькали дни беззаботных игр и безмятежного сна под надзором матери. Спускаясь на землю, покрытую толстым слоем хвой, малыши часами изображали охотников.

Гоняясь друг за другом, они проворно карабкались на деревья, скаля острые зубы, устрашающе уркали на «врага» и, шлепаясь вниз, затаивались в траве. Затем, пластаясь по земле, выслеживали «дичь», мгновенно вскидывались и опрокидывали ее на спину ударом передних лап. Яростно кусались, не причиняя, однако, друг другу боли.

Маха уже не ощущала слабости в лапах, приобрела быстроту и точность движений. Несмотря на изящное и вроде бы хрупкое телосложение, она была заводилой всех потешных потасовок и не только достойно отбивалась от более рослых братьев, но и с завидной ловкостью сама атаковала их при каждом удобном случае.

Убегая в пылу игры от родного дупла все дальше и дальше, кунята изучали окрестности. Скоро

они усвоили, что мелкие, но голосистые птицы, шустрые бурундуки, доверчивые рябчики, проныры мыши не опасны. Мать часто ловила эту живность и приносила подрастающей детворе для охотничьих забав.

Непоседе Махе, первой побывавшей на окраине просторного, светлого бора, не терпелось узнать, что скрывается в примыкающих к нему непролазных зарослях черемухи. Но она никак не решалась покинуть обжитые пределы.

Однажды, на исходе теплого, тихого дня, когда мать ушла на охоту, Маха все же набралась смелости и шагнула в загадочную чащу.

Там, в глубине тенистого царства, куничка услышала басистый гул. Вскоре сквозь густые ветви блеснул упругий поток. Падая с двухметрового уступа в глубоко промытую яму, он гонял по воде крутые буруны, закручивал подвижные вихри. Солнце дробилось в этой кипени тысячами лучистых зайчиков.

Ниже по течению ручей успокаивался, раздавался вширь и лениво струился мимо живописных заводей. На их зеркальной глади мигали круги от жирующей рыбы, царственно колыхались листья стрелолиста*, плавали утки, лихо скользили меж-

* *Стрелолист* — многолетняя водная трава, содержащая в клубневых образованиях крахмал.

ду хлопьями пышной пены водомерки. В теплой воде галечных отмелей сновали стайки мальков. По противоположному берегу суетливо перебежали с места на место длинноносые кулики.

Маленькая путешественница заворуженно разглядывала открывшийся мир. Вдруг какое-то неведомое доселе чувство известило ее об опасности. Маха обернулась и уперлась во злой колючий взгляд незнакомого зверя.

Это была норка. Прежде чем вывести на прогулку свое потомство, она выбралась из своего убежища на разведку. Глядя в упор с воинственным стрекотом бросилась на куничку. Бедняжка попятилась, затравленно оглядываясь: позади вода, а впереди — ощерившийся враг. Резко оттолкнувшись от гальки, Маха в невообразимом прыжке перелетела через голову оцепеневшей от неожиданности норки и скрылась в спасительных зарослях...

Как-то утром обитателей соснового бора, погруженного в легкий туман, разбудила не птичья разноголосица, а громкие, грубые голоса. Встревоженная куница-мать выглянула: к их жилищу приближались двуногие существа с котомками, связками ремней и веревок. Шествие возглавлял лопоухий пес.

Бортники-башкиры, а это были именно они, шли к давно примеченной сосне делать борть для нового роя диких пчел. Подойдя к дереву, один из них начал быстро взбираться по толстому стволу, ловко вскидывая вверх кожаный пояс, жесткой полудугой охватывавший золотисто-рыжую колонну. Люди то и дело переговаривались, смеялись.

Куница, чуя беду, припала к подстилке. Настороженно, до боли в ушах вслушивалась она в нарастающий шум. Волнение матери передалось потомству. Они притихли, сбились в кучу.

Поднимаясь, бортник то и дело простукивал ствол обухом топора. Сильные, гулкие удары заставляли зверьков сжиматься от ужаса. Охристая древесная пыль слетала со стенок дупла и нестерпимо щекотала нежные ноздри.

Тем временем верхолаз обнаружил дупло. Он сунул в него руку и, коснувшись мягкого пуха, непроизвольно отдернул ее, но было поздно. Как ни велик был страх куницы перед человеком, великий инстинкт материнства оказался сильнее: сделав молниеносный выпад, она вонзила две пары острых, словно шило, клыков в палец бортника.

От боли и неожиданности человек вскрикнул, выдернул руку с вцепившейся куницей, и стряхнул ее резким, энергичным взмахом прямо в лапы подскочившей собаки.

Грудастый кобель прижал куницу к земле, пастью схватил поперек тела и, прежде чем прозвучал запоздалый окрик хозяина, перекусил позвонки.

Бортник отнял у пса обмякшего зверька. Обдувая редкий летний мех, он с сожалением оглядел понапрасну загубленную лесную красавицу. Досадливо побряхтел и убрал случайный трофей в котомку.

Тем временем его напарник притянулся к стволу плотнее, обмотал окровавленный палец платком, отломил ветку и стал тыкать ею в дупло. Кунята, уворачиваясь от болезненных укусов, заверещали. Ободренный бортник надел на руку выдавшую виды шляпу и, действуя ею как клешней, поочередно выудил из гнезда и засунул в мешок трех отчаянно извивающихся малышей.

Мягкая холщовая полость подействовала на пленников странным образом: они сразу присмирели, успокоились.

Оживленно обсуждая неожиданную добычу, люди поставили на стволе тамгу — родовой знак в виде двойного угла и ушли восвояси, довольные тем, что так быстро обзавелись новой бортью (обычно ее приходится вырубать целый день) и заодно избавили трудолюбивых пчелок от опасных соседей — все куницы обожают мед и не упустят случая полакомиться им.

Молодых кунят, по совету егеря, они отдали работникам расположенной неподалеку зверофермы.

Бортники и не подозревали, что в дупле осталась ещё одна куничка — Маха. Когда мать столь необыкновенным образом покинула гнездо, она глубоко втиснулась в выщерблину между ребрами дупла и, не шелохнувшись, просидела в ней до захода солнца.

Все это время ее никто не беспокоил. Маха осмелела и, вслушиваясь в монотонный гул леса, решила выглянуть. Небо было еще прозрачным и просторным, но в тайге уже сгущались сумерки. Осмотревшись и не приметив ничего подозрительного, Маха опасливо спустилась на землю.

Над травой толкалась мошкара, зло звенело комарье; пискнула и неслышно исчезла во тьме летучая мышь; из-за гребня почерневших гор проклюнулся клыкастый месяц — в лесу всё шло своим чередом.

Недалеко от сосны влажный нос Махи учуял родной запах. Куничка взволнованно заметалась, а найдя клочки материнской шерсти, обеспокоилась еще больше. Упорно рыскала она между пе-

реплетений обнаженных корней, но не находила иных следов. Невыносимая тоска и отчаяние охватили осиротевшее существо.

Внезапно Маху обдало воздушной волной и жгучая боль пронзила бок. В тот же миг над головой бесшумно, словно призрак, взмыл к угольно-черным макушкам сосен промахнувшийся филин. Куничка запоздало шарахнулась в сторону и помчалась напропалую вниз по косогору, прочь от страшного места. Вслед жутко заухал раздраженный неудачей налетчик.

Прыгая через валёжины, пни, рытвины, травянистые кочки, кубарем скатываясь с крутых откосов, Маха выбилась из сил. Мокрая, исхлестанная ветвями, в изнеможении забралась она

под выворотень. Отдышавшись, зализала горевшую огнем рану, обессиленно вытянулась и уснула.

Выкатившийся на уже поголубевшее небо пылающий диск солнца залил тайгу живительными лучами. Пучки света, профильтрованные кронами деревьев, зажгли росистую траву, заиграли радужными искрами бисера, нанизанного на тонкие нити паутины.

Зорянка пробудилась ото сна и сыграла на звонкой флейте побудку. Ей в ответ со всех сторон затенькало, засвистело, и вскоре сводный лесной оркестр зазвучал в полную силу. Лежащую ничком Маху разбудил шорох — это припозднившаяся ежиха с вереницей ежат продиралась сквозь голенастые стебли травы.

Из-под выворотня на куничку неприветливо поглядывал паук. Среди комочков земли ворочался, поблескивая матовой броней, жук-олень. Однако все это не интересовало Маху. Она с щемящей тоской вспоминала мать и веселых, задиристых братишек. Где они сейчас? Что с ними? Кругом витает столько запахов, но все чужие!

От перенесенного потрясения и изматывающего бега Маха даже после отдыха выглядела жалко. Загнанные мышцы все еще подергивались, кровь на боку запеклась, шерсть слиплась.

Глядя из своего укрытия на бегающие по дну говорливого ручья блики солнечного света, она ощутила нестерпимую жажду и голод. Жажду утолила легко, а вот добыть что-либо съедобное удалось не скоро. После долгих поисков Маха заметила проشمгнувшую в норку мышшь. Куничка мгновенно преобразилась. Выразительные черные глаза алчно заблестели, по спине словно пробежал электрический ток, мышцы вновь налились силой.

Вспомнив, как мать в таких случаях затаивалась у входа и, не шевелясь, поджидала появления хозяйки норы, Маха сама точно так же притаилась в траве в томительном ожидании. А когда ничего не подозревавшая мышшь выбралась на свет, Маха придавила её к земле.

Не имея опыта, охотница принялась что есть силы мотать и энергично встряхивать жертву, до тех пор пока та, наконец, не стихла. Опьяненная кровью куничка от восторга несколько раз высоко подпрыгнула над своей первой добычей. Эх, видела бы ее победу мама!

Так закончилось детство и началась самостоятельная жизнь.

Заглушив голод, воодушевленная успешной охотой, Маха взобралась на скалистую террасу. Надо было оглядеться и решить, оставаться тут

или искать для жительства другое, более подходящее место.

Перед ней простиралась межгорная впадина, окруженная пологими увалами с запада и зубчатой цепью гор с востока. С их ломаных граней, унизанных островерхими елями и кудрявыми соснами, стекали светло-серыми языками каменные осыпи. Широкое дно впадины покрывал лиственный лес, разделенный извилистой нитью ручья на два неровных ломтя.

Учуяв на спуске с террасы метки других куниц, неопытная Маха решила, что и ей следует остаться здесь. Ночевать она устроилась в дупле суковатой старой ели.

Когда освеженная сном куничка выглянула наружу, то увидела в закатных лучах солнца рыжую белку. Та раскачивалась на ветке соседнего дерева, ухватившись за нее одной лапкой. Затем легко перевернулась колесом и помчалась вверх по стволу. С завистью провожая ее взглядом, Маха заметила на неподалеку стоящей берёзе искусно сплетенную чашу гнезда. Перепрыгнув ближе, обнаружила в нем голубоватые яйца. Подлетевший зяблик с криком заметался, запорхал вокруг, но не смог остановить грабительницу. Прокусив скорлупу, Маха, жмурясь от удовольствия, выпила их содержимое. С этого

дня она никогда не упускала возможности полакомиться яйцами, а затем и птенцами. Правда, не всегда ее набегки оставались безнаказанными.

Приметив как-то гнездо горлицы* и убедившись, что хозьяев нет, Маха спрыгнула к небрежно сооруженному из сухих веточек гнезду-настилу. Два писклявых пуховичка, широко раскрыв клювы, настойчиво требовали пищи. Куничка не успела даже протянуть вооруженную когтями лапу, как на нее налетел крылатый вихрь. Яростные, болезненные удары клюва по темени сразу остудили охотничий пыл Махи. Спасаясь от новой атаки, она поспешила укрыться в густом кустарнике.

2

Время шло. Повзрослевшая Маха усвоила, где находятся излюбленные места кормежки рябчиков, куда улетают они отдыхать на ночь, какая куча хвороста изобилует мышами, в каком ельнике обитают белки, под какими пнями нор-

* Горлица — вид дикого голубя.

ки бурундуков. Изучила повадки своей добычи, научилась ловить и быстро расправляться с ней. В ее движениях появилась непринужденная легкость и грация. В характере — выдержка и самообладание.

Теперь Маха подолгу гоняла белок, соперничая с ними в быстроте и ловкости. Однако напасть на них пока не решалась.

Однажды куница нашла хорошо натоптанную тропинку. Она вывела ее в сырую лощину, заросшую чернолесьем. Перебежав через болотину, Маха поднялась на сухой взлобок, покрытый оспинами свежих ямок, выветрившимся пометом, обломками покусанных веток и обглоданными костями. Чуть дальше, между отполированными снизу стволами резвились большеголовые волчата.

Маха смекнула, что встреча с ними не сулит ничего хорошего, и немедля повернула прочь от волчьего логова. Интуиция подсказала также, что тропинкой уходить не следует. Взобравшись на расщепленную ветром ольху, куница пошла верхом. Благодаря этому она избежала встречи с матерым волком, спешившим с добычей к своему прожорливому семейству.

Все реже и реже спускалась куничка на землю, где на каждом шагу подстерегали опасности.

Только на деревьях, в зелёном пологе леса, Маха чувствовала себя уверенно. Певчие птицы и белки, обитавшие здесь, завидев ее, в панике разлетались, разбежались кто куда.

Маха вытянулась, стала выше и крепче. Шубка, покрывавшая стройное мускулистое тело, приобрела приятный бежевый оттенок, шею и грудь украсило желто-кремовое пятно, рана на боку зажила, подернулась нежным пушком. Ощущение одиночества и беспомощности покинуло её. Куница стала полновластной хозяйкой верхнего яруса леса.

Во время дневного зноя она предпочитала дремать в прохладе дупла. Но как только стихал птичий гомон, Маха, не обращая внимания на вопли филина, выходила на охоту.

В один из таких вечеров, спускаясь вдоль отлогого берега ручья к реке, куница услышала треск и густой шелест листвы падающего дерева. Маха, взлетев на громадный вяз, по-гусиному вытянула шею, пытаясь рассмотреть, откуда шум, но частая листва скрывала от нее низкий берег. Размашисто прыгая по ветвям, куница перебралась поближе. Слабый ветер мягко шелестел листвой и скрадывал шум её прыжков.

На низком берегу, позаросшем тальником, над поваленным деревом горбились черные силу-

эты — два солидных бобра сосредоточенно объедали молодую сочную кору осины. В глубине леса под чьей-то неосторожной лапой хрустнула хвостина. Пугливые звери мгновенно встали столбиками. Настороженно огляделись. И, более полагаясь на слух, чем на зрение, нырнули в заводь,

предупреждая остальных членов колонии об опасности мощными и хлесткими, как выстрел, ударами чешуйчатых хвостов. Брызги взметнулись ввысь, и отраженный лик луны разлетелся на желтые осколки.

Лес ответил еще большим переполохом. Какой-то скрытый непроглядной тьмой таежный исполин испуганно хоркнул и, с оглушительным треском тараня глухолесье, понесся прочь. Шум быстро распространялся вширь, но, удаляясь в глубь чащобы, постепенно стих. Зато в заводи с плеском завозился кто-то большой, могучий...

Приближался рассвет. Река облачалась в молочные одеяния. Ели на противоположном берегу постепенно таяли в волнистой мгле, и вскоре лишь верхушки самых высоких торчали из тумана, точно молоденькие елочки на заснеженном поле. От воды пахло промозглой сыростью. Зябко передернувшись, Маха побежала на продуваемое взгорье, как вдруг в глубине кроны ближней березы бестолково захлопал крыльями рябчик.

Куница сноровисто вскарабкалась по гладкому, в черных отметилах стволу к спящему выводку. Цапнула подвернувшуюся курочку, но, не удержавшись на ветке, неуклюже шмякнулась вместе с добычей на землю. От сильного удара разжала коготки и выпустила рябуху. Той бы сра-

зу взлететь да раствориться в лесных крепях*. Ан, нет! Глупая, тоненько запищала и суматошно за семенила прочь, путаясь в траве. Маха настигла ее одним броском.

Подкрепившись, куничка перешла через ручей по поваленной лесине, как по мостику. На берегу чутко обернулась: к ней приближалась пара куниц. Махе прежде попадались их следы, но она инстинктивно избегала встречи с соседями.

Подбегая к незваной гостье, куницы негодуя застрекотали. Несдобровать бы Махе, если б не отчаянное бегство. Разъяренные хозяева настырно преследовали ее до тех пор, пока не выдворили за пределы своей вотчины.

Выскочив на усеянное крупной галькой ложе речки, Маха промчалась без оглядки вверх по стиснутому крутобокими сопками сухому руслу.

Гонимая паническим страхом, она уходила все дальше и дальше. За спиной уже осталось немало кривунов и скалистых прижимов, когда до нее донёлся мощный гул. Маха еще долго бежала, прежде чем увидела глубокий разлом-колодец, в котором, с ревом переливаясь через глыбы камней, дымясь летучей моросью, бесследно исчезла река.

* Крепь — глухое, недоступное место.

Перебравшись по гряде каменистой осыпи на лесистый склон, Маха заметила сквозь просветы между ветвей планирующего к основанию пушистой лиственницы небольшого зверька в серой бархатистой шубке. Это была безобидная белка-летяга. Куница бросилась к комлю дерева в расчете перехватить ее на месте посадки, однако летяга в последний миг выполнила замысловатый вираж и пристволилась метрах в шести. Не успела она вскарабкаться и до середины ствола, как ее все-таки настигли клыки шустрой разбойницы.

Осваивая новые владения, Маха набрела на затерявшееся в горах озерцо. И в зарослях осоки сразу же взяла свежий след жировавших беляков. Зайчиха, пытаясь отвести нависшую беду от потомства, сделала три гигантские сметки в сторону, и с силой забарабанила передними лапами о землю. Но поздно: куница уже причуяла затаившихся малышей. Играючи поймала одного из них. Насытившись, стала великодушной и остальных, разбежавшихся в суматохе, разыскивать по-ленилась.

Незаметно пролетело лето. Вот уже первый заморозок, возвещая о скором увядании природы, выбелил травы и запалил по склонам сопки многоцветные костры. На изумрудном хвойном поле, усеянном плотными смолистыми шишка-

ми, желтым пламенем полыхали березы, осины. Яркими мазками атели гроздь рябины, плоды шиповника. Во мху под елями сочно краснела брусника. Зазывающе-кокетливо кивали рогатые букетики лещины. Колонии опять сплошь покрыли пни и валежины.

Все обитатели леса жировали на богатых кормах, готовясь к длинной зиме. Маха частенько посещала излучину реки, заросшую черемухой. Однажды, когда она забралась в самую гущу и принялась с удовольствием поедать вяжуще-сладкие ягоды, неподалеку кто-то шумно засопел. На старой разросшейся черемухе вразнобой заколыхались ветки. Одна из них изогнулась и, описав крутую дугу, замерла между стволов, где на «троне» из сучьев восседал медведь. Забавно причмокивая, довольно урча, он отправлял в громадную пасть черемуховые кисти одну за другой. Косолапый не утруждал себя лишними движениями и просто обламывал самые плодоносные ветки.

Насторожив уши, время от времени поглядывая на косматого громилу, Маха торопливо набила желудок и, не задерживаясь, вернулась в сопки...

День ото дня холодало. Порывистый ветер безжалостно срывал поблекшие листья. Обгоняя всклокоченные тучи, потянулись на юг, в теплые

края, разномастные птички косяки. Привольно жилось теперь Махе в поредевших кронах. Похолодание принесло приятные перемены — исчезли докучливые кровососы. Разоря по ночам белычи гнезда, она все реже спускалась на землю.

С наступлением темноты тайга оглашалась трубным ревом. Зычные, басовитые ноты, набирая мощь и силу, звучали слитно, напористо. Наполняясь первобытной страстью, рев взвивался до трепетно вибрирующих переливов и, не выдерживая напряжения, как бы скалывался, захлебывался шумным, сиплым стоном. Тайга и небеса на мгновение замирали и откликались стозвучным эхом. Это благородные олени-маралы, переселенцы с далекого Алтая, вызывали соперников на честный бой. Маху их могучий зов не волновал, но когда он раздался совсем близко, врожденное любопытство погнало ее туда, где на краю опушки, выбеленной луной, ревел, горделиво запрокинув на спину ветвистые рога, красавец бык. Беловатые, острые концы отростков угрожающе поблескивали, словно пики. Рядом мирно паслись три ланки. Оборвав рев на низком протяжном стоне, марал от избытка чувств запустил рога в заросли орешника и принялся крутить ими в разные стороны, спутывая ветки в узлы и тут же разрывая их на части.

В это время со стороны сопки слышался нарастающий треск. Маха проворно вскарабкалась на развилку сосны и оттуда увидела, как на открытый пяточок выломился молодой рогач.

Налитые кровью глаза горели как угли, ноздри трепетали, шерсть на загривке дыбилась. Увидев хозяина гарема, он протрубил ответный вызов, нацелил на соперника рога и, изнемогая от ярости, с силой забил копытами о землю. Угроза не подействовала, и тогда пришелец ринулся в атаку, рассчитывая этим обратить хозяина в бегство, а самому завладеть ланками. Разогнавшись, он попытался боднуть острыми пиками незащищенный литой бок соперника. Но опытный боец отскочил в сторону и ответил точным ударом. Холостяк не устоял, повалился, но, быстро вскочив, вновь разъяренно кинулся на противника. Оглушительный треск рогов то и дело заставлял вздрагивать Маху. Олени, сдавленно хрипя и фыркая, то разбегались, то вновь сшибались. Скрестив рога, они, не уступая друг другу, упрямо топтались по кругу.

Жухлая трава на месте сражения была уже выбита копытами до земли. Пар поднимался от разгоряченных, почерневших от пота тел. С губ хлопьями слетала кровавая пена.

Статный пришелец нерасчетливо горячился, нападал безостановочно и чувствовалось, что он, несмотря на молодость, выдыхается. Не так стремительны стали атаки, а сам он едва успевал уворачиваться от встречных ударов. Взмылен-

ные бока ходили ходуном. Розовый язык вывалился наружу, глубокая рана на груди кровоточила.

Закаленный в турнирных боях «старик» отбивался хладнокровно и, воспользовавшись тем, что соперник попытался перевести дух, неожиданно мощным броском оттеснил противника в кусты, и, сделав резкое движение сильной шеей, повалил пришельца наземь. Вскинулся на дыбы. Еще мгновение — затопчет, иссечет острыми копытами, но бессмысленная жестокость не в чести у животных.

Оставив посрамленного конкурента, он вернулся в общество притихших маралух, оглашая окрестности ликующим победным кличем. Поверженный бык медленно поднялся и, не оглядываясь, удалился к глухой старице зализывать раны и восстанавливать силы, питаясь мясистыми стеблями и корневищами сусака, эладеи, рдеста.

3

Дни становились все короче, а ночи длиннее и холоднее. В тех местах, где ручей замедлял бег, берега уже обметало узорчатым ледком. Пронизывающий ветер обжигал черные оголенные ветки. Зима стучалась в мертво сквозящий лес.

Высунувшись однажды из дупла, Маха не признала окрестностей. Чего-то белого, пушистого навалило сразу столько, что тайга совершенно преобразилась. Земля как бы приподнялась, а деревья опустились, стали ниже. Ветви, кусты, валежины, заплыв белым жиром, растолстели. Нижние лапы елей, согнувшись под тяжестью покрова, образовали покатые шатры — удобные прибежища для обитателей леса.

Маха сначала понюхала, потом полизала переливчатые блестки. Осторожно ступила на неслежавшийся пух, попоной укрывавший толстый сук. Он податливо сминаясь, слегка хрустел и приятно охлаждал лапки.

Сверху на спину серебром осыпалась кухта*. Куница с непривычки поежилась и брезгливо отряхнулась. Упругая волна прокатилась по роскошной шубке, которую теперь тоже было не узнать. Более светлый зимний мех достиг полной пышности. Глянцевая ость** мягко струилась, мерцала янтарными искорками. Густая подпушь*** надежно защищала от морозов и пронизывающих ветров.

* *Кухта* — снег, падающий с веток.

** *Ость* — длинный жестковатый меховой волос.

*** *Подпушь* — внутренний очень густой нежный мех.

Решив, что теперь лучше ходить понизу, Маха спрыгнула на белый волнистый покров и глубоко погрузилась в мягкую перину. Выбравшись, с удивлением осмотрела ямистый след и, приравливаясь к снежной рыхлости, отправилась в ельник, где частенько удачно охотилась на рябцов.

Пробегая через бурелом, она столкнулась с ярко-охристым зверьком в черной «маске». Оба замерли, напрягшись. Немигающим взглядом долго прощупывали друг друга, старательно цедея носами морозный воздух.

Рыжий колонок был на редкость злобным и агрессивным созданием. Держался вызывающе, однако, уступая Махе в силе, не осмеливался напасть первым. Видя нерешительность дальней «родственницы», он, воинственно выгнув спину, свирепо ощерился и, резко прострекотав, сделал несколько устрашающих выпадов. Не довольствуясь этим, обдал куницу скверно пахнущей струёй и только тогда нырнул в снег, где чувствовал себя как рыба в воде.

Обежав ельник, в котором обычно хоронилась табунок, Маха с удивлением обнаружила, что лесных курочек, отдыхающих по ночам под прикрытием еловых лап, нет. И не успела поразмыслить над тем, куда могла запропасться любимая добыча, как всё перед ней покрылось белы-

ми снопами взрывов: обдавая куницу искристой пылью, из-под снега выпархивали рябчики. Встревоженные подозрительным хрустом куручки рассаживались на деревьях и внимательно наблюдали за своим извечным «пастухом». Как только он пытался приблизиться, они тут же отлетали на безопасное расстояние. Кожистые наросты на лапках рябчиков к зиме отвердели, и птицы без труда могли садиться даже на обледенелые ветки.

Маха быстро усвоила, что теперь рябцы, набив за день березовыми и ольховыми почками полный зоб, вечером прямо с дерева ныряют в пышные сугробы и сидят там всю ночь, пока восходящее солнце не ослабит мороз. Под снегом тепло и безопасно: к убежищу ни единого следа — попробуй-ка найди! Только опытный глаз может отличить лунку лесной курочки от вмятины, оставленной свалившимся с ветки снежным комом. Научившись распознавать спальни рябчиков, Махе тем не менее за зиму всего несколько раз удалось полакомиться их белым нежным мясом: осторожные птицы делали под снегом боковые ходы и она зачастую прыгала на уже пустую лунку.

Если охота на рябчиков или белок была неудачной, куницу выручали мыши. Приблизившись к куче хвороста или валежин, Маха прислу-

шивалась к пisku и возне мышинной братии и исчезала в сугробе, чтобы вскоре появиться с добычей. Несколько мышей ей хватало, чтобы насытиться.

В лютую стужу, когда прокалившиеся на морозе стволы звонко лопались, Маха становилась малоподвижной, и если перед этим охота была успешной, то не выбиралась из логова сутками.

После одной из таких вынужденных отсидок проголодавшаяся куница заметила лунку непривычно большого размера и, перейдя на мелкий шаг, подкралась к ней. Из-под снега исходил аппетитный запах громадной бурой птицы, которую Махе доводилось видеть на соснах, где та поедала длинную хвою. Это был запах глухаря*.

Долго стояла куница с приподнятой лапой. Взволнованно приняла к дразнящему аромату. По телу волнами прокатывалась пьянящая охотничья страсть. Близость добычи манила. И все же, несмотря на голод, Маха робела, догадываясь, какая сила таится в пернатом гиганте. В конце

* Глухарь — самая крупная реликтовая птица семейства тетеревиных. Обычная прежде в хвойных и смешанных лесах, сейчас малочисленна и повсеместно требует охраны.

концов, воспоминание о том, как испуганно отлетали, увидев ее, глухари, придало куничке решимость. Замирая через каждые три-четыре шажка, она подкралась к спальне и, поколебавшись секунду, нырнула в снег.

Застигнутый врасплох петух, энергично хлопая тугими крыльями, выметнулся из сугроба и, обвитый, словно змеей, длинным телом Махи, понесся по снежной пелене. Грузно оторвался и, с трудом лавируя между ветвей, полетел сквозь лес, медленно набирая высоту. Тем временем две пары длинных клыков все глубже впивались в его шею.

Пытаясь языком вытолкнуть набившиеся в пасть перья, Маха ослабила хватку. Глухарь в то же мгновение взмыл вверх и перекувыркнулся в воздухе. Когти охотницы предательски заскользили по плотному оперенью. Воодушевленный петух принялся закладывать такие крутые виражи, что куничка едва удержалась: полетела было вниз, но в последний миг все-таки исхитрилась вцепиться зубами в длинные хвостовые перья и запустить крючковатые когти в огузок.

Истекая кровью от ран на шее, скованный висящей сзади хищницей, глухарь неуверенно тянул над макушками деревьев. Но и у куницы силы иссякали, мышцы от невероятного напряжения свело болезненной судорогой.

В это время глухаря, зацепившегося крылом за вершину сосны, резко повело в сторону. На сей раз измотанная куница не удержалась и сорвалась в снег. Освободившись от ноши, глухарь выправился и спланировал к устью распадка. Но жизнь вместе с горячей стружкой крови уже покидала таежного красавца.

Маха выбралась из сугроба и с неожиданным проворством побежала на шум бившейся в агонии птицы. Ожесточенная поединком куница наслаждалась властью победителя — рвала и трепала

ла уже мертвого глухаря. Перья летели по ветру, словно хлопья сажи.

Утолив голод, удачливая охотница насилу затщила остатки добычи под заснеженную валежину. Нагрела подстилку из сухой травы, листьев и прожила в потаенном убежище несколько беззаботных дней. На лопатках и животе у нее впервые за зиму появился жирок.

На исходе четвертого дня ее сытый покой нарушил залиvistый лай. От резких, пружинистых прыжков белки, преследуемой собакой, с еловых лап срывался и повисал облачками меж стволов мелкий снег. Вот изнуренная погоней беглянка затаилась. Сухо щелкнул выстрел, и подошедший на лыжах охотник вынул из сугроба убитого зверька. Лай, удаляясь, понесся к другой стороне распадка. Зверобой торопливо заскользил следом.

Дождавшись сумерек, Маха, тревожно озираясь, выбралась из укрытия. Со стороны ручья ветер нес противный запах дыма. Среди черных стволов мелькнул страшным глазом костер — неизменный спутник человека. Появление его в лесу не предвещало ничего хорошего. Однако обленившаяся от сытости и покоя куница отогнала недобрые предчувствия и, размявшись немного, юркнула в ближайшее дупло. Беспечно сверну-

лась там калачиком и, накрывшись вместо одеяла пушистым хвостом, уснула.

Когда на востоке проклюнулось холодное тусклое солнце, охотник-промысловик, ушедший давеча слишком далеко от деревни и вынужденный ночевать в лесу, быстро собрался и, подгоняемый морозом, заспешил домой. Аккуратная строчка свежих парных следов, пересекавшая его вчерашнюю лыжню, сразу привлекла внимание.

— Куница! Вот это удача! Сезон только начался, а богатая добыча прямо под носом бегаёт, — обрадовался промысловик, а увидев, как близко прошли они вчера от покинутого куницей убежища, набросился на пса:

— Ну и бестолочь ты, Актабан! Куда глядел? Куница рядом, а ты белок считал! Ну, ничего, от нас, красавица, не уйдешь!

К их счастью, раздобревшая куница верхом почти не ходила, и пес, взяв выходной след, быстро нашел ее новое пристанище. Нетерпеливо взлаивая и скуля, Актабан старательно заскреб когтями кору заиндевевшей сосны. Хозяин сразу разглядел на высоте пяти-шести метров чернеющий пяточок дупла.

Унимая волнение, он скинул котомку, прислонил к ней ружье. Несколько раз шарахнул обухом топора по ровной, без единого сучка, бронзо-

вой колонне. Пугливые снежинки окутали сосну и человека серебристой пылью.

Тихо. Куница затаилась крепко и ничем не обнаруживала своего присутствия. Это обстоятельство не смутило промысловика. Он срубил молодую ель, окоротил разлапистые ветки и, прислонив ее к стволу, поднялся к темневшему лазу, словно по лестнице.

Надев на рукавицу брезентовую верхонку, запустил руку в дупло сначала по локоть, а затем, скинув телогрейку, по самое плечо, но до дна так и не дотянулся. Заткнув лаз шапкой, он простучал ствол топором. По звуку определил нижнюю границу полости. Вырубил отверстие и с надеждой пошарил в нижней части дупла, но Маха молча увернулась и вскарабкалась по губчатой трубе наверх.

Спустившись на землю, человек вынул из котомки сетчатый «рукавчик», скобки и несколько завитков бересты. Срезал прутик-рогульку чуть длиннее «рукавчика». Открытую сторону «рукава» прикрепил скобами к верхнему лазу, а глухую оттянул рогулкой перпендикулярно к стволу. В прорубленное снизу отверстие сунул горящую бересту и стал терпеливо ждать. У подошвы сонны, повизгивая от возбуждения, вертелся готовый прийти на помощь пес. Сухая труха стенок затлела, наполнила дупло удушливым чадом. Из

верхнего лаза потянулась струйка синего, вперемежку с черным дыма.

Во рту у Махи стало вязко и горько. Казалось, минуты ее жизни сочтены. Задыхаясь, она вдавила нос в пористые гнилушки и стиснула челюсти. Дышать стало легче...

Мертвая тишина поколебала уверенность охотника.

— Что за чертовщина? Неужели куницы в дупле нет? Может, сидит сейчас в сторонке и насмехается. Либо вообще ушла грядой. Да не должна бы — Актабан не зевнет. Хотя вчера вон как оплошал, — гадал он, совершенно сбитый с толку.

Устав стоять на вертявой лестнице, промысловик слез передохнуть. Собрал хворост, наладил костерок, заварил крепкий душистый чай. Отхлебывая его крохотными глотками, то и дело поглядывал на солнце. Проводить вторую ночь у *нодьи** ему не хотелось. Охотник выбрался в тайгу пока лишь для того, чтобы определить, в какой стороне нынче держится белка. Но Актабан, облаивая их одну за другой, увел хозяина за перевал, а вот сегодня карты спутала куница...

* *Нодья* — особый костер для зимней ночевки. Делается из двух, лучше из трёх, сухих хвойных стволов, уложенных один над другим.

— Да чего ради морозиться понапрасну? Нижний ход забью. Если куница в дупле, то рукавчик не даст ей уйти — спеленает намертво. Переночую дома, а завтра сюда к обеду с палаткой, печуркой и продуктами на пару недель белковать вернусь, — убеждал себя охотник, незаметно собираясь.

Лайка наблюдала за хозяином с недоумением и ни в какую не хотела идти следом. Охотник вынужден был вернуться к сосне и взять упирившегося Актабана на поводок.

Едва они подошли к деревне, как ударил шквальный ветер, утопив все в снежной мгле. К ночи вьюга разыгралась в полную силу. Закачалась, застонала тайга на десятки верст. Хлесткие, напористые порывы ветра срывали с деревьев улежавшиеся снежные глыбы. Одна из них по воле случая угодила в рукавчик и сместила деревянное кольцо.

Смышленная узница протиснулась в образовавшуюся щель и покинула осажденную крепость.

Морозный воздух, снежная круговерть быстро взбудрили ее. Маха нашла буреломный отвал и в затишке повалилась в снег, очищая прокоптившуюся шубку и стряхивая с себя приставший мусор. Инстинкт и горький опыт подсказывали, что оставаться в этом лесу опасно.

Перебиваясь в дороге случайной пищей, снова и снова взбираясь на скалы, ныряя в распадки, беглянка достигла высоких, мощных хребтов и углубилась в молчаливый сумрак перестойных ельников.

Облюбовав межгорное урочище, изобиловавшее белками и рябчиками, куница тщательно обследовала участок и, убедившись, что он свободен, застолбила запаховыми метками свою новую вотчину...

Однообразно потекли морозные дни. Порой казалось, что тайга вымерла. Лишь неприятный скрежет сойки, гулкое постукивание работяги дятла да резкие выстрелы лопающихся от лютой стужи деревьев изредка тревожили стылое таежное безмолвие.

Промерзшие насквозь отроги покрылись изморозью и тянули свои вершины ближе к солнцу, словно хотели согреться.

Глубина снежного покрова позволяла кунице ночевать в пустотах под сугробами: в них теплее и в случае опасности всегда можно уйти от преследователей снежным тоннелем.

Пробежки по пушистой перине утомляли Маху, и, обегая как-то раз свои владения, она воспользовалась лосиной тропой. Местами следы широко разбредались — это лоси глодали кору

деревьев, обкусывали кончики веток редкой здесь осины, поедали пряди лишайников, отдыхали прямо на снегу, оставляя после себя овальные лежки с чуть обледенелыми стенками, хранящими примерзшие бурые шерстинки. Потом следы вновь сливались и по пологому склону вели к изголовью короткого лога. Оттуда, несмотря на мороз, дымясь, вытекала рыжая струйка воды, обрамленная красной глиной с цветистым налётом соли. Со дна вылизанных лосями углублений, глухо шипя, выбивалась жижа, вскипавшая время от времени пузырчатými кругами. Полизав соленоватую накипь, Маха заела ее терпкой рябиной и направилась к устью лога, где возбужденно шныряли бестолковые сойки. Гребни сугробов вокруг были сплошь исчирканы копытами, в воздухе витал волнующий запах крови. Куничка закрутилась по лесу и в примятых зарослях калины нашла растерзанную волчьей стаей лосиху.

Маха обошла полусъеденную тушу и, воровски озираясь, с жадностью набросилась на прихваченное морозом мясо. Постоловавшись, залегла неподалеку, рассчитывая надолго освободиться от забот о пропитании, но вернувшаяся среди ночи стая нарушила ее планы. К утру от лосихи остались только обглоданные кости, да и то только самые крупные.

Долго тянется зима, но и у нее есть конец. Весна, словно извиняясь за свою медлительность, дружно и бесповоротно вступила в свои права. Запылавшее жарким костром солнце наполнило промороженную тайгу живительными волнами тепла.

Под напором пробудившихся жизненных соков лес стремительно преобразался. Почки набухли, кроны загустели. На южных склонах зачернели первые приствольные круги. Съезжившиеся снега плавилась, насыщались влагой. Однако ночью отяжелевшие кристаллы вновь спаивались морозом, образуя прочный наст.

Для копытных и боровой дичи наступила самая тяжелая пора. Олени проваливались сквозь наст и резали голени об острые кромки. Птицы, ночевавшие под снегом, по утрам с великим трудом пробивали обледенелую корку. Особенно доставалось самым мелким среди них — рябчикам и куропаткам. Тетерева, а тем более глухари, страдали меньше.

Зато волки и рыси благоденствовали. Для них пришло время долгожданного пиршества. Больше всех лютовали оголодавшие за зиму серые разбойники. В приступе необузданной жадности

они без меры резали косуль и стельных лосих. К счастью, эта ужасная пора непродолжительна.

Все увереннее гремели ручьи. Быстро таяли, обрастая накопившимся за зиму лесным мусором, ноздреватые сугробы. На южных склонах появились и стремительно разрастались обширные проталины, покрытые шершавой коростой из спрессованных за зиму листьев, травы и хвои. Местами она бугрилась прожилками ходов землероек и свежими кротовыми холмиками.

На рассвете Маху дразнили булькающие звуки тетеревиных песен. Краснобровые петухи, горделиво выпятив иссиня-черную грудь, распушив лирообразный хвост, стремясь привлечь внимание тетёрок, демонстрировали на обсохших полянах свою красу и удаль. Наиболее воинственные, энергично хлопая крыльями, на скакивали на соперников, гонялись друг за другом. Но, несмотря на турнирный экстаз, петухи были достаточно бдительны и Маху близко не подпускали.

Днем в единственную здесь березовую рощу слетались дятлы, пить из специально пробитых в коре дырочек сладкий сок. Махе он тоже пришелся по вкусу, и она охотно забегала в березняк припасть к сладкому источнику, чтобы утолить жажду, подкрепить силы.

Час за часом каждый уголок леса наполнялся жизнью. Зашелестели клейкой листвой деревья. Шелковистая травка покрыла склоны бархатисто-изумрудным ковром. Зацвела черемуха, за ней — рябина, калина. Незаметно весна перешла в лето.

Мало-помалу стихали брачные песни птиц. Смокли трели обремененного семейными заботами зяблика. Почти каждый день после полудня вызревали, зажатые между двух хребтов, темно-лиловые тучи. Жизнь в урочище в эти часы замирала; томительное напряжение росло; духота сгущалась, становилась невыносимой. Какое-то парализующее поле пронизывало все живое. Наконец из непроницаемо-черных туч срывался к земле тугой, ослепительный сноп света, на мгновение озарявший притихшую долину белым сиянием. И вновь воцарялся полумрак. Затем оглушительный треск раскалывал пространство, сотрясая каменные отроги. Отдыхавший за могучей спиной хребта ветер пробуждался и с бешеным напором врвался в долину. Следом из разлом проходившихся небес низвергался на еще не успевшую подсохнуть землю очередной щедрый ливень.

По утрам, обласканная солнцем, долина дымилась влажными испарениями. Свежо пахло

прелой листвой и молодой хвоей, тучные травы, разросшись, мешали бегать. Маха, мокрая от росы, то и дело брезгливо отряхивалась и спешила перебраться в продуваемый ветром верхний ярус леса. После охоты, распластавшись на теплой коре какого-нибудь сука, она беспечно дремала до следующего ливня, от которого спасалась в дупле или под многослойным пологом ближайшего елового шатра. Под ним всегда было сухо, а иной раз даже удавалось добыть прятавшуюся от дождя пичугу. Если верховая охота завершалась неудачей, куница все же спускалась вниз и, забравшись на корягу или пень, терпеливо снося укусы мошек, назойливо лезших в нос и уши, караулила по ночам кротов, выходявших из своих подземных убежищ собирать дождевых червей — те после ливня во множестве выползали на поверхность.

Разнообразя меню Маха иногда ловила по берегам мелких водоемов увлеченных заливистой болтовней лягушек. Там куница частенько видела лосей с неуклюжими смешными телятами на ногах-ходулях. Они паслись на обильном разнотравье, отдавая предпочтение иван-чаю.

Взрослые лоси с удовольствием заходили в озерца и бродили по колено в воде. Отщипнув пучок водорослей, они вскидывали головы и с на-

слаждением отфыркиваясь от стекавшей по горбоносым мордам воды, хрумкали сочные стебли белокопытника.

Как-то, безуспешно прогонявшись по деревьям за белкой, раздраженная падением с мокрых ветвей, Маха устроилась на высокой надпойменной террасе передохнуть. Снизу донёлся невнятный стук. Навострив подвижные уши, куница мелкими шагами спустилась под выступ террасы, прошла по полуистлевшему стволу и мягко запрыгнула на обомшелый валун.

Впереди, под скалистым обнажением зияла узкая брешь. Из нее веяло холодом, струился между камней ручеек. Прыгая по выступавшим из воды гольшам, чтобы не замочить лапы, Маха проникла в сумрачный каменный мешок, покрытый ослизлым черным налетом. Гулкое эхо капли с невидимого свода нарушало тишину.

С живым интересом оглядев влажно поблескивающие стены, таинственные ниши и щели, куница прошла дальше. Дно грота поднималось ступеньками. Вскоре дорогу загородил высокий известковый выступ, заплывший сверху ледяным козырьком, из которого торчала наполовину вытаявшая туша бурого медведя. От падающих на Маху холодных капель шубка отсырела, и куница поспешила на волю погреться и обсохнуть...

Минул еще один год, и снова наступило лето, третье в жизни лесной охотницы. Все это время Маха по-прежнему обитала в полюбившемся межгорном урочище, изученном до последнего кустика. По-прежнему бродила в одиночестве, не встречаясь с другими куницами, — Маха хорошо помнила, как пара соплеменниц когда-то чуть не загрызла ее, изгоняя из своих владений.

И вот однажды, теплой лунной ночью, Маха заметила бегущего по ее следу сородича-самца. Сначала она оробела. Птицей взлетела по стволу на вершину дерева. Самец последовал за нею. Но прошло то время, когда Маха чувствовала себя беззащитным существом. Повзрослевшая куница не собиралась уступать свои владения без боя. Желая напугать преследователя, она свирепо оскалила пасть, сморщила нос и даже устрашающе зафыркала.

Обескураженный самец, имевший иные, самые добрые, намерения и не ожидавший такого приема от очаровательной кунички, покорно спрыгнул вниз и, забравшись в траву, выжидательно вытянулся поодаль. Маха тем временем воспользовалась появлением тумана и ушла верхом в глубь тайги. Настойчивый незнакомец вновь

разыскал ее и, почтительно соблюдая дистанцию, повсюду следовал за ней.

Между тем куница проголодалась. Разглядев мельтешивших среди деревьев зайчат, Маха, припадая к земле, неслышно подкралась к ним. Зайчата, не подозревая, какая опасность подстерегает их за кустом можжевельника, весело играя, беспечно приближались к засаде.

Не сдержавшись, Маха в преждевременном прыжке попыталась достать одного из них. Высоко вскидывая зады, косые рассыпались в разные стороны, и один из них угодил прямо в лапы настойчивого ухажера. Несчастливая жертва пронзи-

тельно проверещав, стихла. Облизнув окровавленную морду, самец приосанился и призывно зауркал, приглашая пленившую его куницу на трапезу. Оценив, наконец, галантность кавалера, Маха с нарочитой медлительностью приблизилась. Они обнюхали друг друга. Помолвка состоялась.

После совместного пиршества куница великодушно позволила сопровождать себя. Ободренный самец, радостно размахивая хвостом, то с нежностью прижимался к ее боку, то, ластясь, терся головой о ее грудь. Такое непривычно милое обращение действовало на Маху возбуждающе. Она с наслаждением замирала от щекочущих прикосновений, щурила глазки. Игриво, только для вида, увертывалась, ворчала, но, охваченная неизъяснимым томлением, вновь замирала. Пришла пора брачных игр.

Когда любовные утехи наскучили и Маху стал тяготить нежный ухажер, она бесцеремонно выставила его за пределы участка и вернулась к привычному уединенному образу жизни.

Поселившийся в соседнем распадке самец первое время регулярно навещал ее, но Маха не проявляла к нему прежней симпатии. Встречала неприветливо, а если он ненароком затягивал визит, решительно прогоняла...

Осень выдалась на редкость ненастной, холодной. Тайга, не просыхавшая все лето, теперь и вовсе потонула в сырости. На поверхности земли не осталось ни одного углубления, в котором не поблескивала бы вода. Над рекой и низинами плыл молочный разлив туман. Нудно, тоскливо шумел лес. По небу косматыми табунами нескончаемо тянулись свинцовые тучи. Порывистый ветер безжалостно трепал, срывал листья. Опаленные первыми заморозками травы поникли.

Не уродились ни орехи, ни желуди, ни ягоды. Валом откатились на запад, за перевал, спасаясь от бескормицы, белки; улетели кедровки, сойки, кукши, клесты. Утянулись на юг перелетные караваны. Все живое покидало, обходило стороной бесплодный край. Обжившись на новом месте, Маха никак не решалась уйти вслед за белками туда, откуда она в свое время была изгнана. В довершение всего в начале зимы после обильных снегопадов ночью случилась оттепель с настоящим ливнем. К утру северный ветер принес столь резкое похолодание, что щедро политые снега схватились толстой ледяной коркой, навсегда замуровавшей большую часть боровой птицы в снежных спальнях.

Для Махи наступили тяжелые дни. Изредка ей удавалось поймать мышь, но мелкая добыча лишь распаляла аппетит.

В поисках пищи она забралась на осину и ближе к вершине заметила отверстие непривычной прямоугольной формы. Куничка заглянула в него. Грозный хозяин квартиры — дятел-желна — не одобрил её любопытства и больно ударил клювом по голове.

Перепуганная Маха спустилась вниз и, съев несколько случайно уцелевших плодов шиповника, вспомнила про пещеру под высокой террасой, где видела вмерзшего в лед медведя. Как можно было забыть про такой склад мяса?! Там ведь его столько, что и на две зимы хватит!

Торопливо спустившись на памятную террасу, куница застыла от удивления. На месте высокой кручи опрокинутым конусом темнел провал. Росшие когда-то тут деревья целиком исчезли в нем, и только плотно сомкнувшиеся посреди провала их макушки едва выглядывали из глубокой воронки. Не желая мириться с угрозой гибели, они поддерживали друг друга ветвями.

Досконально обследовав склоны провала, неровными ступеньками уходящие вниз, и не найдя ни одной лазейки в пещеру, Маха совсем приуныла.

Находясь в беспрестанном, но безуспешном поиске пищи, она отощала. Мех потускнел, вытерся, местами слипся от смолы. Куница изменила своим привычкам и все чаще рыскала по вымершей лесной пустыне днем. Пища, которой она прежде гнушалась, стала желанной.

Однажды охотнице все же посчастливилось найти под трухлявым пнем норку бурундука. Вытащив запиравшую вход моховую пробку и расширив где когтями, где зубами узкий проход, Маха добралась до опрятной, сухой кладовой с небольшим запасом орехов, семян и ягод, аккуратно сложенных в отдельные кучки.

Полосатенький хозяин, разбуженный гулкой возней, возмущенно пища, метался по спальне и пытался выскочить на волю, но Маха закрывала собою проход. Бурундук с отчаянной, порождённой страхом смелостью ринулся на грабительницу. Куница, оставив орехи на десерт, наградила смельчака смертоносным ударом и тут же съела его.

От забытой сытости по телу разлилась дремотная истома. Маха проспала больше суток, а проснувшись, доела скудные запасы кладовой. Однако, через пару дней голод с новой силой напомнил о себе и в который раз погнал Маху к парящему истоку ручья, где в окружении кустов,

сверкавших ежиками густой изморози, до сих пор жили утки.

Этот визит ничем не отличался от предыдущих. Сидевшие на сахарных закраинах льда птицы были начеку. Они отплыли на середину курящейся белыми завитками пропарины и крикливо насмеялись над незадачливой охотницей. Маха раздосадованно фыркнула и несолоно хлебавши побежала прочь.

Иногда ее выручали личинки короедов, златок, усачей. Маха умудрялась добывать их изпод трухлявой коры елей. После одного из таких скудных завтраков она, гонимая голодом, перешла через седловину и вышла на противоположный склон горы, поросший высокоствольным лесом.

Спускаясь по нему, Маха сначала услышала, а потом и увидела между деревьев дерущихся зверей: крупный голенастый лось бился насмерть с медведем-шатунюм. Они кругами ходили друг против друга. Медведь устрашающе ревел. Из широко раздутых ноздрей с шумом вырывался пар.

Мосластый шатун все пытался зайти сбоку, но лось понимал, чем это ему грозит, тут же разворачивался навстречу, стремясь, в свою очередь, нанести удар копытом.

Медведь уворачивался и одновременно загребал когтистой лапой, пытаясь распороть сохатому тугое брюхо. Бесконечные атаки измотали обоих, но успеха никому не принесли.

Внезапно шатун изменил тактику: скрывая свой хитроумный замысел, он попятился назад и устало привалился лохматой глыбой к стволу дерева. Поддавшись на уловку, лось повернулся, чтобы бежать. В то же мгновение коварный медведь одним прыжком настиг его. Лось встал на дыбы и метнулся в сторону, но шатун успел мощным ударом лапы сломать позвоночник, решив исход поединка в свою пользу.

Удостоверившись, что лось мертв, взъерошенный победитель не сразу подошел к добыче: протяжно, поводя боками, вздыхал, остывал от схватки.

Ел он долго и жадно, не обращая на происходящее вокруг ни малейшего внимания. Набив желудок, косолапый затащил остатки туши под бурелом и залег там же.

Маха несколько раз посещала это место в надежде поживиться. Однако шатун так и не ушел, пока не съел все, оставив лишь острые раздвоенные копыта да крупные, добела обглоданные кости.

От голода, куница постоянно мерзла, не согреваясь даже в покинутых беличьих квартирах —

чайно. От длительного недоедания у нее кружилась голова, выворачивало внутренности. Однажды Махе, забывшейся коротким сном, привиделся просторный, полный бурной, радостной жизни сосновый бор. Бор, где она родилась, где ей были неведомы голод, холод, а в говорливом ручье текла самая вкусная на свете вода. Это видение стало неотступно преследовать ее и днём, и ночью.

Стоило Махе лишь задремать, как снова представлялся родной бор, кишущий рябчиками и белками. Она ловит их, безостановочно ест и никак не может наесться. Наконец настал миг, когда какая-то сила неудержимо погнала Маху к родному урочищу.

Поднявшись на взгорье, куница свернула на юг и устремилась к заветной цели. В предрассветный час она чуть не столкнулась с рысью, выплывшей, словно привидение, из запаленной восходящим солнцем изморози. Куница попятилась и бесшумно исчезла в зарослях, но поджарая кошка заметила ее и кинулась вдогонку. Маха немедля взлетела по шершавому стволу на ель и, перемахивая с ветки на ветку, благополучно ушла от преследователя...

Кунице пришлось преодолеть немало щетиных круч, ниспадавших с гор бугристых ледопадов и непролазных чащоб, прежде чем ее взо-

ру открылись знакомые очертания сопок. Радость наполнила сердце скитальицы. Все веселей, уверенней бежала она по заснеженной тайге. Достигнув последней водораздельной гряды, куница вскарабкалась на одиноко стоящую сухую ель, растопырившую сучья, словно костлявые руки, и оторопела.

Перед ней, далеко внизу, повторяя изгибы ручья, чернела прокопченная жилка лесовозной дороги. На пологом склоне, там, где прежде простирался столь желанный заповедный бор, была пустошь, покрытая золотистыми спилами пней.

Спустившись с горной кручи в долину и быстро перебежав пропахшую соляжкой дорогу, Маха с надеждой направилась через вырубки к темнеющим вдали деревьям.

С каждым прыжком остаток бора надвигался непроглядной стеной, увеличивался в размерах и был уже не таким крошечным. А когда оттуда донесся задорный посвист рябчика с короткой трелькой в конце, она и вовсе воспряла духом.

Но непродолжительной была ее радость. Привычную тишину зимней тайги нарушало звонкое потрескивание заведенной мотопилы. Мерное таракхтение зачастило, перешло в докучливое осиное жужжание. Вскоре мохнатая крона крайней сосны качнулась и вековое дерево с густым шумом рухнуло, подняв патлатыми ветвями волну снежной пыли.

Со стороны ручья послышался насадный рёв. Это полз за новыми хлыстами* мощный лесовоз. На родине Махи хозяйничали лесорубы.

Проскочив бор, куница перешла на западный склон. Здесь снежный покров сверкал девственной белизной и прельщал обилием беличьих кормовых тропок, лунками ночевавших рябцов. Возле поваленных ветром осин хрустящая простыня была утрамбована заячьими лапами и усеяна коричневыми орешками помета.

Пройдясь по свежим беличьим следам, тянувшимся по косогору, Маха вскоре увидела и саму

* *Хлыст* — ствол дерева, очищенный от веток.

прыгунью, занятую раскопкой старых запасов. Белка тревожно зацокала, но не успела даже заскочить на дерево.

Впервые за много дней куница наелась. Сердце у нее отмякло, ушло ожесточение. Бельчатина основательно подкрепила силы странницы, и она легко обежала остатки родовых владений.

Повсюду Маха натыкалась на смрадыне лесовозные дороги, запустившие свои щупальца почти до перевальных хребтов, отовсюду доносился гул моторов. Отступавшая под натиском мотопилы и могучих тракторов тайга с высоты водораздельной гряды была похожа на шахматную доску: темные квадраты леса чередовались с белыми полями сплошных вырубок, изъеденных оспинами пней.

Только в стороне Большого хребта, откуда пришла Маха, лес упрямо топорщился нетронутым коренным древостоем, но возвращаться в эти опустевшие от бескормья крепи куница не желала.

Смирившись с близостью рокочущих ма-

шин и людей, она обосновалась в истоках ручья, возле скал, изукрашенных цветистой накипью лишайников. Выбор Маха сделала удачно — это место являлось заказником*.

7

Незаметно для себя куница привыкла к шумным соседям. Ночью, во время длительных прогулок, люди ее не беспокоили, а днем она отдыхала в потаенных убежищах.

Пробегая как-то в середине зимы по лесу, Маха увидела строчку лисьих следов. Поначалу она не придавала им особого значения. Только отметила про себя, что стежка, обычно ровная и опрятная, как-то странно вихляет. Но, обнаружив метров через двадцать вторую подряд лежку, насторожилась. Оглядев следы внимательней, куница определила, что лиса, видимо, хворая и передвигается с трудом.

Маха потрусилась по следу и почти сразу увидела горящую факелом лису-огневку. Пользуясь прикрытием выворотня, куница опасно под-

* *Заказник* — территория, на которой круглогодично охраняется ландшафт, все виды животных и растений при ограниченном использовании природных ресурсов.

кралась к ткнувшейся мордой в снег кумушке и замерла, не сводя с нее оценивающего взгляда. Отрывисто уркнула — лиса не шелохнулась. Тусклые, полуоткрытые глаза ничего не выражали, а пышный мех не мог скрыть ее немощи.

Куница смекнула, что рыжая настолько слаба, что не в силах даже стоять. Глаза Махи загорелись: как всякий проголодавшийся хищник, она

не могла упустить возможности заполучить крупную добычу и сытно перекусить.

Дрожа от возбуждения и дивясь собственной дерзости, куница прыгнула на лису. Впилась ей в горло. Та жалобно застонала. Вяло отбиваясь, попыталась встать, но лапы предательски подогнулись. Маха почти без борьбы завладела неожиданным богатым трофеем. Надолго обеспеченная мясом, она отъелась, набралась сил, и у нее пробудилась потребность к странствиям, которая и завела нашу путешественницу в долину ручья, прижавшегося к скалистому кряжу, иссеченному расщелинами.

У его подножия, на старой делянке, среди мелколесья, чудом сохранился островок могучих сосен. В нижней части медных колонн были вырезаны какие-то наполовину заплывшие смолой знаки.

Обследовав деревья поочередно, Маха обнаружила, что наверху ко многим стволам плотно привязаны куски корья. Это обстоятельство заинтриговало ее, а когда она взобралась на одну из сосен, ей почудилось, что из-под корья сочится аромат, от которого любая куница теряет покой.

Маха не раздумывая принялась грызть кору слой за слоем. Работа продвигалась медленно, но к утру проклюнулась дырочка, пахнувшая густым медовым духом. Теперь куница не сомневалась,

что в дупле ее ожидает самое восхитительное на свете лакомство. Она даже зажмурилась от удовольствия. Беспреданно глотая слюну, воодушевленная добытчица расширила отверстие, освободила канал от утепляющей прокладки из березовых веников и с жадностью набросилась на душистые соты.

Мед был густой, прозрачный. Маха с наслаждением отрывала переливчатые тянучки и проглатывала вместе с оцепеневшими пчелами. Навевшись до дурноты, куница не захотела покидать сладкую борть. Она опасалась, что кто-нибудь другой может воспользоваться найденным ею кладом. Утолив жажду лежавшим на сучьях снегом, лакомка нагребла под себя березовые листья с веников и, вдыхая пьянящий аромат, уснула.

И надо ж было случиться такому — в это самое время делал обход своей лесной пасеки ее хозяин. Увидев под сосной кусочки коры и развевные ветром листья, он сразу понял, что борть ограблена. Сокрушенно причитая, обошел ствол и по следам определил, что на пасеке разбойничала куница. Чтобы спасти свое хозяйство от полного разорения, бортник решил изловить воровку.

Разбуженная ширканьем лыж, Маха слышала, что под деревом топчется человек. Это несколько обеспокоило ее, но вскоре шаги удали-

лись, и куница, уже притерпевшаяся к соседству людей, осталась спать на своем духовитом ложе.

Расстроенный пасечник, убедившись, что на остальных соснах борти пока не тронуты, ушел в деревню, а поутру вернулся со связкой ловушек. Срубив длинную жердь, прикрутил к ней проволокой настороженный капкан и приставил его к стволу таким образом, чтобы тарелочка ловушки оказалась точно против темневшего отверстия. Сочтя этого недостаточным, он нагреб внизу снежную «хатку», положил в нее добрый кусок мяса, а у входа насторожил второй капкан. Вокруг «хатки» раскидал для верности еще и накроху* из гусиных потрохов. Перевалив кряж, он спустился к дороге и уехал домой на попутном лесовозе.

Маха слышала, что к ее убежищу вновь подошёл человек и возился в этот раз у сосны довольно долго. Теперь она не на шутку всполошилась, ибо понимала, что зачастил он неспроста. Не высовываясь из дупла, куница настороженно прислушивалась к каждому звуку и, когда выход накрыла смутная тень, в ужасе сжалась. Но немного погодя послышался удаляющийся скрип лыж,

* *Накроха* — мелко рубленные мясо, потроха, разбрасываемые по земле или снегу для привлечения внимания к оставленной приманке.

и все стихло. Маха перевела дух. Тем не менее лишь через пару часов она совершенно успокоилась и попыталась выбраться. Но что это?!

Выход из борти загоразживал черный кружок, противно вонявший железом и человеком.

Долго не решалась Маха прикоснуться к подозрительному предмету, отдающему смертным духом. Вновь и вновь обнюхивала его. Напрягалась до болезненности, вслушиваясь в малейший шорох, но подвижные уши улавливали только неясный шепот ветра в густой кроне сосны.

От сладкого Маху мучила жажда. Соблазнительная близость снега в конце концов заставила превозмочь боязнь. Все еще колеблясь, куница намерилась тихонько сдвинуть кружок в сторону, с тем чтобы увеличить щель и выйти. Но едва она коснулась коварной тарелочки, как створки капкана сомкнулись, и острая боль пронзила лапку, растекаясь огнем по всему телу.

Маха отпрянула было назад, но стальные челюсти держали мертвой хваткой. Превозмогая мечущуюся по телу боль, она задёргала лапой что было сил, но, увы, безуспешно.

Тогда куница сама бросилась на «врага». Яростно рвала, грызла ловушку клыками, но эмаль на зубах только крошилась о неподатливую сталь. Дужки держали крепко, а тарелочка и сторожок,

болтаясь из стороны в сторону, лишь бесстрастно брякали.

В попытках освободиться прошло несколько часов. Солнце провалилось за гребень хребта. Мороз усиливался. Пережатые пальцы деревенели, и боль незаметно отступала. От беспрестанных рывков и подергиваний кожа и сухожилия размочалились. Маха перекусив остатками клыков омертвевшие, бесчувственные ткани и освободилась, наконец, от ненавистной железки.

Не обращая внимания на рану, она принялась разгребать листву, перекусывать веточки, чтобы спуститься к подошве борти, а докопавшись до нее, стала спешно грызть пластырь, преграждающий путь к свободе. Работала без отдыха, словно догадывалась, что времени отпущено мало и если к утру не удастся покинуть эту западню, то случится непоправимое.

Вот уже загорелась на востоке малиновая заря, ударили первые лучи солнца...

В это время с наименьшей поспешностью шел к сосне бортник, мечтавший не только оградить своих пчел-кормилиц от разбоя, но и добыть драгоценную шкурку.

Приближаясь к памятному месту, он издали увидел, что его труды не напрасны: ловушка сработала! Сердце распирало от гордости и востор-

га. Ему уже чудилось во мраке лаза сияние меха дивной красоты. Но, подойдя ближе и приглядевшись внимательней, был озадачен появлением у нижнего края пластыря второго отверстия. Это открытие кольнуло бортника неясной, болезненной догадкой.

Все еще не теряя надежды, он обежал сосну и заметил на снегу парные следы с алыми пятнышками крови. Сладостные минуты ожидания знатной добычи сменились горьким разочарованием...

За зиму пчеловод, обходя разбросанные в окрестных лесах борти, еще не единожды навещал к пострадавшей сосне в расчете встретить следы воришки, но напрасно. Куница больше не появлялась.

8

Насмерть перепуганная Маха, припадая на поврежденную лапу, долго бежала через большие и малые речушки. Поднималась по крутым распадкам в горы, спускалась в заснеженные долины. Сторонясь дорог, санных путей и лыжных проходов, она уходила все дальше и дальше от злосчастного места. Чем дремучей, непроходимей становилась тайга, чем выше вздымались бе-

ловершие горы, тем свободней и уверенней чувствовала себя куница.

Наконец она достигла рубежа лесов, раскинувшихся на крутых отрогах Дальнего хребта. Белые грани его скалистых вершин оживляли сумрачную, обомшелую хвойную чащу. Недоступные для людей дебри надежно укрыли беглянку.

Тишина, настоящий на хвое воздух, нетронутый, первозданный лес — как радостно ощущать все это после враждебного мира грязных, вонючих дорог, чихающих смрадом железных чудищ и вездесущих людей.

Здесь, вдали от человеческого жилья, в плотной кроне покореженной временем ели Маха отыскала покинутое беличье гнездо-гайно и надолго обосновалась в круглой теплой камерке — она готовилась стать матерью.

Чем встретит окружающий мир ее детей?

Зиганшин К.Ф.
МАХА, ИЛИ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ КУНИЧКИ

Под редакцией автора

Технический редактор *Моисеева Е.В.*

Корректор *Казимова Т.А.*

Подписано к печати 06.06.2006. Формат издания 70x100/32.

Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика». Усл. печ. л. 2,92.

Тираж 2000 экз.